

Спрашивала ли она об этом свою силу? Я понятия не имела. Должно быть, это слабое утешение, если она это сделала, перед лицом того, что, как она знала, должно произойти в будущем.

Но... казалось, ей жилось гораздо лучше, чем было у Хепри. Более уравновешенная, менее нервная, менее встревоженная. Спокойнее. Не обязательно счастливее, но более умиротворенно и менее беспокойно. Я не знала, было ли это из-за того, что она провела меньше времени с Вывертом, или просто у нее была неделя, чтобы привести себя в порядок, преодолеть худшие симптомы.

Я... надеялась, что у нее всё наладится. Та Дина Хепри, которую она знала, пусть и мимолетно, была встречена родителями со слезами и объятиями. Здесь... без меня, без Хепри, которая держала бы её за руку и решала проблему, ушла ли она вообще домой?

Укол сочувствия скрутил меня изнутри. Почему-то я в этом сомневалась.

- В любом случае, - сказала она, - я просто хотела поблагодарить тебя, что спасла меня. Так что... спасибо тебе.

Затем она повернулась и собралась уходить.

- Я надеюсь, у тебя все будет хорошо, Дина.

У двери она на мгновение остановилась, стоя там, и я едва расслышала, как она прошептала:

- Я тоже.

Дверь за ней со щелчком закрылась, и впервые с тех пор, как я проснулась, я была по-настоящему одна.

Следующим будет папа, не так ли?

От этой мысли у меня скрутило живот. Они сказали, что мало что ему рассказали, так что... о чем он, должно быть, подумал, чтобы объяснить себе, почему я пролежала в коме неделю? Они вообще сказали ему об этом или просто сказали, что она пока не может прийти в себя? Он вообще знает, что со мной всё в порядке? Знает ли он вообще, как близко я была к смерти?

Чувство вины закружилось у меня в груди.

Должно быть, он ужасно волновался. Он, вероятно, провел всю прошлую маршируя из угла в угол, представляя все разные вещи, которые могли произойти со мной, все различные травмы, которые я могла получить, из-за которых оказалась в отдельной палате в штаб-квартире СКП.

Он, вероятно, также провел последнюю неделю без сна.

Я должна была сказать ему гораздо раньше, действительно должна была. Не то чтобы это на самом деле улучшило бы ситуацию, но, по крайней мере, тогда у него было бы хоть какое-то представление, что происходит или где я могу быть, и он бы не проснулся в понедельник утром и не обнаружил, что моя кровать пуста, а нас троих нет.

Я даже представить себе не могу, какие первые мысли пришли ему в голову в тот день. О чем он, должно быть, подумал, какие выводы сделал, как он, должно быть, был напуган тем, что потерял и меня тоже...

Раздался стук в дверь, вырывая меня из моей депрессивной спирали, и Оружейник, полностью закованный в броню и со шлемом на месте, наклонился ко мне.

- Мисс Эберт? - сказал он. - Твой отец внизу, связывается с охраной. Однако есть еще один человек, который хотел бы тебя видеть, если ты готова к этому.

Еще один человек? Может быть, Лиза? Нет, скорее всего, нет.

- Эм, ладно, - сказала я. - Полагаю, можете впустить?

Он отступил с дороги, и мимо него, через дверь, прошла...

Я выпрямилась, сердце нервно вздрогнуло в груди.

Она немного неловко улыбнулась и расправила подол своей рубашки.

- Привет.

... Ноэль Майнхардт.

- Ты...

Она рассмеялась, само уничижительно.

- Да, я тоже не была уверена, что у меня хватит на это смелости. Я думаю, в конце концов, я просто... не могла оставить все недосказанным, понимаешь?

- Ты в порядке, верно? - выпалила я. - Я имею в виду, все это... ну, ты знаешь...

- Эм, да. - Она похлопала себя по бедрам, словно желая убедиться, что они действительно все еще на месте. - Да, всё... в порядке. Никаких признаков рецидива. Эм. Панацея говорит, что со мной все в порядке, и я думаю, она должна разбираться, понимаешь? Так что...

Она замолчала.

- О, - неуверенно произнесла я. - Хорошо. Это... хорошо.

Мы надолго погрузились в неловкое молчание.

- Так что, - внезапно сказала Ноэль. - Я... не стану занимать тебя надолго или что-то в этом роде, поэтому я просто скажу то, что пришла сказать, и уйду.

- Окей, - сказала я.

- Я не знаю, как тебя отблагодарить, - сказала она мне. - Благодаря тебе я вернулась к нормальной жизни. У меня снова есть ноги. Ко мне вернулась моя нормальная жизнь. Моя голова ясна, мои силы не действуют на меня, ни телом, ни разумом. Ты спасла меня, почти в любых смыслах. Я в долгу перед тобой, который никогда, никогда не смогу вернуть, и я серьезно говорю это. Но...

Она отвела взгляд, скрестив руки на груди, как будто хотела обнять себя.

- Но, - продолжала она, - это также из-за тебя Краус... он мертв. Он... был не лучшим человеком в мире. Может быть, он даже не был хорошим человеком. На самом деле, он... принял много

сомнительных решений. Но он любил меня, и я любила его. И ты...ты несешь ответственность за то, что он погую. Это из-за тебя его убили! Если бы не ты, он все еще был бы...!

- ...Мне жаль, - тихо сказала я. Это казалось прискорбно неадекватным.

Ее пальцы сжались, впиваясь в кожу рук, а плечи задрожали. Она выглядела так, словно очень, очень старалась не протянуть руку и не задушить меня, и, по крайней мере, какая-то часть меня не стала бы винить ее, если бы она попыталась.

- ...Я не могу, - прерывисто произнесла она. Она покачала головой, пара одиноких слезинок скатилась по ее щекам. - Я не могу простить тебя. Нет... Только не за Крауса. Не сейчас, может быть... может быть, никогда. Я...

Она снова покачала головой, затем повернулась и почти бросилась к двери, выдавив на ходу:

- Извини! - Мгновение спустя я снова осталась одна.

...Еще один из моих промахов с той ночи. Он мне не нравился, Хепри тоже никогда настоящему не нравился, но он все еще был человеком, у которого были люди любящие его, и из-за меня его опять убили.

И все же, всё, что я чувствовала, было... не совсем неоднозначно, но чем-то близко к этому. Может быть, это было потому, что какая-то часть меня винила его за то, как всё прошло той ночью. Что это была его собственная вина, что его убили, потому что в ту ночь он принял несколько столь же глупых решений.

Так вот как Хепри скатилась? Рационализировала и находила оправдания тому, почему она не должна чувствовать себя виноватой в смертях людей? Было ли это еще одним проявлением её влияния, или мне просто суждено пойти по тому же пути, что и она?

Бумага зашуршала, когда я немного привела себя в порядок. Я сунула руку под себя, чтобы вытащить маленький листок, который выглядел так, словно был вырван из блокнота. Маленькими аккуратными каракулями было написано:

Вероятность, что он простит тебя, составляет 98,61%.

Дина.

Что-то дрогнуло у меня в груди, что-то настолько сильное, что я почувствовала, как в уголках моих глаз появились слезы. Вместе с этим поднялась огромная волна благодарности, и мои дрожащие губы растянулись в улыбке.

Спасибо тебе, Дина.

— o.o.o.o.o —